

Zifa K. Temirgazina

Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan

Rumaniyat O. Aselderova

Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia

Kazakh Compound Anthroponyms with a Verbal Element: Propositional Structure

Voprosy onomastiki, 2022, Vol. 19, Issue 2, pp. 48–65

DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.016

Language of the article: Russian

Темиргазина Зифа Какбаевна

Павлодарский педагогический университет, Павлодар, Казахстан

Асельдерова Руманият Омаровна

Дагестанский государственный педагогический университет, Махачкала, Россия

Сложные казахские антропонимы с глагольным компонентом: пропозициональная структура

Вопросы ономастики. 2022. Т. 19. № 2. С. 48–65

DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.016

Язык статьи: русский

Downloaded from: <http://onomastics.ru>

ИНСТИТУТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

DOI 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.016
УДК 811.512.122'373.231 + 81'44 +
+ 81'367.625

З. К. Темиргазина*
Р. О. Асельдерова**

* Павлодарский педагогический университет
Павлодар, Казахстан

** Дагестанский государственный
педагогический университет
Махачкала, Россия

СЛОЖНЫЕ КАЗАХСКИЕ АНТРОПОНИМЫ С ГЛАГОЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ: ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

В статье рассматривается семантика казахских антропонимов двусоставной структуры Subst + Verb. Наличие глагола в сложном антропониме придает ему пропозициональный характер, поскольку в композите сохраняются синтаксические отношения, восходящие к исходному (мотивирующему) предложению. Так, существительные как первый компонент в сложном антропониме сохраняют синтаксическую семантику актанта — субъекта или объекта. В соответствии с концепцией Д. Ермоловича интродуктивной пропозицией каждого антропонима является ситуация «родился ребенок», которая выражается имплицитно. В зависимости от специфики пропозициональной структуры антропонимов с глагольным компонентом и культурных особенностей мотивов имянаращения выделяется несколько групп: мужские имена с темпоральным значением, мужские имена с глагольным компонентом *беру*, имена-пожелания и мужские имена-обереги. В первой группе имен две событийные пропозиции связаны темпоральными логическими отношениями. В микросинтаксисе имен с глаголом *беру* в функции субъекта употребляются названия высших сакральных сил, которые, согласно языческим представлениям казахов, одаривают родителей рождением младенца мужского пола — продолжателя родовых традиций, защитника семьи и рода. Основным мотивом имянаращения в именах-пожеланиях с глаголом *болу* также выступает идея

© Темиргазина З. К., Асельдерова Р. О., 2022

предпочтительности и благословенности рождения мальчиков. Эта идея также является мотивом имянаречения девочек, в именах которых интенция пожелания может осложняться интенцией запрета. Охранная функция казахских имен особо важна для мужских антропонимов, поскольку традиционно считается, что мальчики более подвержены воздействию злых сил, сглазу. В именах-оберегах эксплицируется событийная пропозиция негативного характера, предназначенная для «отвращения» злых духов. Имплицитная интродуктивная пропозиция в зависимости от гендерной принадлежности объекта именованного содержит разную оценку: рождение мальчика одобряется социально-культурными нормами, рождение девочки одобряется в меньшей степени. Исследование семантики казахских двусоставных антропонимов-композиций с глагольным компонентом показывает ее пропозициональный характер, в котором отражается микросинтаксис глагольного предиката и именных актантов, мотивированность культурными традициями казахского имянаречения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: казахский язык; антропонимия; двусоставный композит с глагольным компонентом; пропозиция; пропозициональная структура; имена-пожелания; имена-обереги

Введение

Интерес исследователей к именам собственным обусловлен их спецификой как слов, функционирующих по законам языка, но представляющих интерес и в других аспектах, кроме собственно лингвистического: в историческом, этнографическом, социокультурном и т. п. История происхождения казахских антропонимов непосредственно связана с кочевым укладом жизни этого народа, геоклиматическими условиями местности, которую он населяет (временами года, погодой, ландшафтом), его мировоззрением, обычаями, духовными традициями. «Основной состав казахской антропонимии в большей или меньшей степени отражает культурно-историческую жизнь народа, начиная с древнейших времен и до наших дней» [Джанузаков, 1991, 6]. В казахстанской ономастике достаточно хорошо изучена история развития антропонимии начиная с памятников тюркской письменности; рассмотрена этимология казахских имен и выделены тематические группы апеллятивов, от которых образованы казахские имена: это названия животных, растений, оружия, предметов, одежды и др. [Джанузаков, 1982; 1991; Махпиров, 1997; Оспан, 2019].

Для семантики имен собственных характерна суггестивность, иначе говоря, в ней накоплены различного рода коннотации, дополнительные смыслы, связанные с культурно-национальными стереотипами и эталонами. «В этом плане представляет особый интерес изучение антропонимиконов тюркоязычных народов, система личных имен которых в процессе исторического прогресса не подвергалась фронтальному изменению под влиянием историко-культурных, социальных факторов, а сохранила древние традиции имянаречения» [Галиуллина, 2009, 3–4]. У. А. Мусабекова, сопоставляя русскую и казахскую антропонимию,

отмечает: «Казахская антропонимическая система <...> испытывала влияние ислама, однако такой жесткой регламентации, как это наблюдалось в русской антропонимии, процесс именования в казахском языке не подвергался. Отсутствовало вплоть до 1917 г. и давление государства. В силу этих обстоятельств развитие казахской антропонимии шло в соответствии с тенденциями, наметившимися еще на ранних этапах развития языка, к которым относится тесная связь антропонимов и аппеллятивных основ, четко выраженная и ясно ощущаемая мотивированность антропонимов, преобладание внутренней мотивации, наличие большого количества мотивов именования» [Мусабекова, 1996]. По мнению этнографа С. Х. Шалгинбаевой, в современном казахстанском обществе к наиболее «жизнеспособным» этническим традициям относится имянаречение — *ат қою* [Шалгинбаева, 2002, 13].

О семантике имен собственных в ономастике высказываются противоречивые точки зрения, которые колеблются от отрицания их семантического содержания [Реформатский, 1964; Суперанская, 1973; и др.] до его признания [Никонов, 1974; Гак, 1990; и др.]. «Собственные имена образуют в языке особую подсистему, в которой и общезыковые законы преломляются специфически», — отмечает В. А. Никонов [1974, 6]. Для определения специфики значения собственных имен важно рассматривать их в соотношении с именами нарицательными, которые обладают классическим лексическим значением. «Каждое имя связано с родовым определяемым (ср. *город, река* и т. д.), без связи с понятием которого оно не может функционировать в речи. У нарицательного связь с этим понятием непосредственна, у имени собственного опосредована через вещь. В способности осуществлять и передавать эту связь — основное значение любого слова, в том числе имени собственного» [Горбаневский, 1983, 70].

Д. И. Ермолович, признавая сложность содержания собственного имени, выделяет в нем четыре плана: во-первых, бытийный, или интродуктивный, содержащий указание на существование и предметность обозначаемого («существует такой предмет»); во-вторых, классифицирующий, который обозначает принадлежность предмета к определенному классу, представляя собой как бы свернутое сообщение («этот предмет — человек (гора, река и т. д.))»; в-третьих, индивидуализирующий — специальная предназначенность данного имени для наречения одного из предметов в рамках денотата, т. е. референт имени. Три названных плана несут информацию: «Есть такой человек, который зовется Смитом». Последним планом является характеризующий, который обозначает набор признаков референта, достаточных для понимания собеседниками, о чем или о ком идет речь [Ермолович, 2001]. Концепция Ермоловича позволяет расширенно толковать понятийно-сигнификативное значение имен собственных, включая в него соотношенность не только с понятием, но и с пропозицией, что особенно значимо для анализа казахских антропонимов с глагольным компонентом, которые являются объектом изучения в данной статье.

Целью нашей работы является исследование семантических особенностей сложных личных казахских имен, включающих в состав глагольные формы. Для казахской традиции имянаречения характерна мотивационно-словообразовательная связь антропонима не только с нарицательным словом, но и с предложением, предикатом которого выступает глагол. Многие тюркские имена имеют двусоставную форму SUBST + VERB, в которой глагол придает семантике имен усложненный характер. Подобные антропонимы-композиции, образованные без соединительного элемента, типичны для словообразовательной системы агглютинативных языков, в том числе казахского (В. Д. Аракин [2005, 207] характеризует этот способ словообразования как агглютинативный способ).

Исследователи, анализируя способы образования казахских имен, не останавливались детально на специфике семантики имен данной группы [Кульдеева, 2001; Мажитаева, Рахимберлина, 2014]. Наличие глагола в структуре сложного казахского имени позволяет видеть в его семантике пропозициональную составляющую. Глагол, как известно, имеет референциальную соотнесенность с денотатом-пропозицией. Семантика рассматриваемой словообразовательной модели сложения слов «в целом носит пропозициональный характер, так как представляет собой множественную интерпретацию одной сущности через отношение к другим сущностям, т. е. реализует общий принцип пропозициональной записи» [Косырева, 2008, 171].

Пропозицию определяют как «семантический инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от предложений конструкций (номинализаций)» [Арутюнова, 1990, 401]. Для нашей работы важно когнитивно-прагматическое понимание пропозиции, предложенное Е. В. Падучевой: «Пропозиция — это то, что фигурирует в речевом акте, т. е. то, что может быть подвергнуто утверждению, сомнению, то, что может быть предметом просьбы, приказа, пожелания, обещания» [Падучева, 2004, 36].

Значимым элементом в интерпретации мотивов имянаречения выступают культурные смыслы, которые в терминологии пропозициональной семантики близки к имплицатурам, т. е. к имплицитным, не имеющим выражения в эксплицитных структурах пропозициям дискурса [Темиргазинова, Ибраева, 2021]. Имплицитные пропозиции принципиально исчисляемы, поскольку носят конвенциональный характер.

Методы и материал

Сложные двусоставные имена в количестве 91 единицы отобраны из справочников [Джанузаков, Есбаева, 1988; Джанузаков, 1991], а также собраны путем опроса носителей языка. Критерием отбора служило наличие глагольных и субстантивных словоформ SUBST + VERB в личном имени-композиции.

Собранный материал был рассмотрен с точки зрения семантико-грамматических признаков словоформ, содержащихся в составе сложного имени, и их актантной роли в пропозициональной структуре исходной синтаксической конструкции. Этот принципиальный подход поддерживает и С. М. Толстая, которая полагает, что семантика праславянских сложных двусоставных антропонимов обусловлена синтаксическим значением мотивирующих словосочетаний: «О. Н. Трубачев настаивает на том, что двусоставные антропонимы не являются непосредственными дериватами соответствующих словосочетаний, тем не менее внутренний синтаксис (или микросинтаксис), связывающий компоненты сложного имени, в этих антропонимах не утрачивается полностью» [Толстая, 2021, 13]. Это положение о микросинтаксисе компонентов имен-композигов является исключительно значимым не только для праславянских, но и для тюркских сложных имен с мотивирующими синтаксическими конструкциями — предложениями, несмотря на различие в типологическом строе языков, один из которых является флективным, а другой — агглютинативным. Синтаксические функции и актанты относятся к языковым универсалиям. Важно также подчеркнуть еще один тезис, методологически значимый в нашем исследовании: антропонимические модели и механизмы словосложения «в принципе не отличаются от системы словосложения в сфере аппеллятивной лексики» [Там же, 9–10]. Для русского языка зависимости от синтаксических связей между компонентами композита выделяют подчинительные, гипотаксические (*радиоузел, зоотехник*) [Гурчиани, 2009, 15] и сочинительные, паратаксические сложные слова (*железобетон, лесостепь*) [Филиппова, 2009, 162; Земская, 2011, 284]. Некоторые исследователи характеризуют отношения между компонентами композита как предикативные (*снегопад*), атрибутивные (*чернозем*) и объектные (*пылесос*) [Аракин, 2005, 208; Нелюбин, 2012, 94–95; Temirgazina et al., 2021].

Важным параметром исследования становится грамматико-синтаксический анализ форм глагола, связанный с прагматическими характеристиками, с интенцией закодированного в сложном имени высказывания, например пожелания, запрета или оберега. Для уточнения культурных кодов, стереотипов и эталонов приводятся комментарии, которые включают сведения культурологического, исторического, антропологического плана.

Пропозициональная структура сложных имен с темпоральным значением

В теории семантического синтаксиса в диктумном устройстве предложения вычленяются событийные и логические пропозиции. Событийные пропозиции «портретируют» действительность, т. е. происходящие в ней события с их участниками. Логические пропозиции представляют результаты умственных операций и сообщают о некоторых установленных признаках, свойствах, отношениях [Шмелева, 1994].

Антропонимы как идентифицирующие имена человека содержат имплицитную интродуктивную событийную пропозицию, включающую информацию о рождении ребенка, для которого требуется процедура имянаречения, т. е. идентификации [см. об этом выше: Ермолович, 2001]. Это базовая для всех антропонимов бытийная пропозиция «родился ребенок».

К. Уразаева пишет об информативности казахских имен: «По казахскому имени можно узнать обстоятельства рождения, место и время рождения, приметы, обладавшие иногда шокирующим воздействием на человека» [Уразаева, 2010]. Время рождения ребенка очень важно для кочевников, хорошо знающих лунные циклы и другие природные хронологические приметы. Так, в диктумном содержании казахских мужских имен-композиций со структурой $\text{SUBST}_{\text{им.п.}} + \text{VERB}_{\text{прош.вр.}}$ *Айтұған* (*ай* + *туған* букв. «Месяц родился»), *Айтолды* (*ай* + *толды* букв. «Месяц наполнился / стал полным»), *Күншығар* (*күн* + *шығар* букв. «Солнце восходит») заключены две событийные пропозиции: одна — исходная, имплицитная — $\text{П}^1_{\text{событ}}$ «мальчик родился»; вторая — событийная, эксплицитно выраженная — указывает на время рождения ребенка: $\text{П}^2_{\text{событ}}$ «месяц родился» / «месяц наполнился» / «солнце взойдет». Первая пропозиция, $\text{П}^1_{\text{событ}}$, обусловлена статусом антропонима — имени человека мужского рода. Обе пропозиции связаны временной логической связью: «тот, кто родился, когда было начало месяца / когда луна была полной / когда всходило солнце». Пропозициональную семантику анализируемых мужских имен можно эксплицитно представить в сложноподчиненном предложении с придаточным времени. Таким образом, пропозициональная структура этих имен выглядит следующим образом¹:

$$(\text{П}^1_{\text{событ}}) \rightarrow (\text{П}^3_{\text{когда}}) \rightarrow \text{П}^2_{\text{событ}}$$

Обе событийные пропозиции, означающие рождение ребенка и время его рождения, конкретизированное в соответствии с народными представлениями и приметами, связаны логической пропозицией $\text{П}^3_{\text{когда}}$.

Пропозициональная семантика сложных имен с казахским глаголом *беру*

В именах с казахским глагольным компонентом *беру* ‘дать’ обнаруживается связь с архаическими представлениями казахов о том, что продолжателем рода и носителем родовых традиций является мужчина. Соответственно, в семье обязательно должен быть наследник мужского пола. О рождении мальчика молились, обращаясь к высшим силам, поэтому у казахов распространены двусоставные мужские имена со структурой $\text{SUBST}_{\text{им.п.}} + \text{VERB}_{\text{прош.вр.}}$: *Тәңірберген* (*Тәңір* + *берген*, букв. «Тенгри дал»), *Құдайберген* (*Құдай* + *берген*, букв. «Бог дал»), *Құдайберды*

¹ Круглые скобки в формуле означают имплицитность, невыраженность.

(*Құдай* + *берды*, букв. «Бог дал»), *Аллаберген* (*алла* + *берген*, букв. «Бог дал»), *Аллаберды* (*алла* + *берды*, букв. «Бог дал»)².

Происхождение этой традиции имянаречения младенцев мужского пола не связано с мусульманскими верованиями, она имеет более древние корни и восходит к языческим тенгрианским воззрениям древних тюрков. Божество *Тенгри* «принадлежит древнейшему мифологическому фонду народов Центральной Азии и, возможно, было представлено еще в языке хунну (3 в. до н. э. и раньше)» [Неклюдов, 2008, 972]. *Кудай* (*Худай*) — верховный бог в тюркской мифологии, обладающий Кутом, т. е. высшей энергией, благодатью и создавший вместе со своим братом Эрликом сушу и растения, горы, моря, деревья [Адаева, Аубакиров, 2020; Токарев, 2008, 1005–1108] (об этимологии слова *кудай* см. также [Семенов, 2019]). Имена *Аллаберген*, *Аллаберды* возникли позже, в период ислама, в них употребляется имя высшего божества *алла*, которое имеет арабское происхождение.

Пропозициональная структура перечисленных мужских имен также носит усложненный характер, поскольку в него добавляется, кроме событийной имплицитной пропозиции $\Pi^1_{\text{событ}}$ «родился мальчик», эксплицитно выраженная пропозиция $\Pi^2_{\text{посесс}}$ «Бог дал», означающая изменение посессивности, т. е. отношений обладания: «родился мальчик, которого дал бог». В $\Pi^2_{\text{посесс}}$ актант-посессор, выраженный существительными в именительном падеже *Тәңір* ‘Тенгри’, *Құдай*, *алла* ‘Бог’, носит сакральный характер. Это подчеркивает ценность рождения мальчика в казахских семьях, поскольку в пресуппозиции содержится устойчивый культурный код «рождение ребенка мужского пола предопределяется высшими сакральными силами, которые вознаграждают родителей».

Заметим, что подобная пресуппозиция не обнаруживается в женских именах. Иначе говоря, в базовую бытийную пропозицию антропонимов «родился ребенок» в зависимости от пола ребенка включается гендерно мотивированный оценочный модус: «родился ребенок мужского пола, и это хорошо» или «родился ребенок женского пола, и это плохо». Он передает культурно обусловленные гендерные стереотипы казахского общества. Далее в формулах оценочный модус исходной пропозиции отражается как знак (+) = (хорошо) и знак (–) = (плохо).

Предикат *беру* ‘дать’ в прошедшем времени употребляется в посессивном значении ‘изменить принадлежность объекта’, осложненном дополнительным метафорическим значением ‘вознаградить’. Иными словами, пропозициональное диктумное содержание имени можно представить в формуле:

$$(\Pi^{1+}_{\text{событ}}) \rightarrow \Pi^2_{\text{посесс}}$$

² Глагольный компонент *берген* является формой давнопрошедшего времени в казахском языке (*бұрынғы өткен шақ*), компонент *берды* — формой недавно прошедшего времени (*жедел өткен шақ*).

М. Н. Янценецкая отмечает, что в основе метафорических образований обычно лежат несколько вычленяемых пропозиций, последняя из которых носит ментальный характер. Глубинная структура производного слова может быть не одна: бывают варианты и самих пропозиций, и их связей. В этих случаях говорят о субъективном содержании пропозиции, четко не фиксированном, но все-таки обусловленном глубинными формулами [Янценецкая, 1992].

Рассмотрим еще одно имя с глагольным компонентом *берген*, которое имеет другую структуру — SUBST_{вин.п.} + VERB_{прош.вр.}: *Ырысберген / Рысберген* (*ырыс* + *берген*, где *ырыс* < тюрк. *орыз* ‘счастье, удача’ [Бектаев, 2007, 492], букв. «Дали счастье, удачу, благополучие»). В этом имени в отличие от предыдущих в поверхностной пропозициональной структуре P^2 отсутствует актант-посессор, но эксплицируется актант-объект дарения. Актант-субъект (посессор / даритель) и актант-адресат дарения имплицитно не выражены, но подразумеваются: согласно представлениям казахов, даритель — это высшие сакральные силы (*Құдай, алла, Тәңір*), адресат — младенец-мальчик.

Сходной семантикой и структурой обладают имена SUBST_{вин.п.} + VERB_{прош.вр.} *Рахимберген* (*рахим* / *рақым* + *берген*, где *рақым* ‘милосердие; мягкосердечие; милость; благоволение; пощада; жалость; доброта’ [Бектаев, 2007, 388], букв. «Дали / оказали милость»), *Рахимберды* (*рахим* / *рақым* + *берды*, букв. «Дали / оказали милость»). В пропозиции P^2 _{посесс.} как говорилось выше, имплицитный, подразумеваемый актант-субъект — высшие сакральные силы, оказывающие милость рождением ребенка мужского пола. По мнению К. Уразаевой, «эти имена являются формами метафизических “контактов” с высшей силой и формулами благодарности Всевышнему за рождение ребенка» [Уразаева, 2010].

Специфика пропозициональной структуры сложных имен-пожеланий с казахским глаголом *болу*

Имена-пожелания тесно связаны с вековыми культурными традициями и менталитетом народа. В таких именах в наибольшей степени проявляется вера казахов в магическую функцию слова [Рахимжанов и др., 2020], закладывается «программа» будущей жизни человека.

Культурно обусловленная идея значимости рождения младенца мужского пола реализуется в именах, в которых содержится пожелание, выраженное казахским глаголом *болу* ‘быть / стать’ в формах будущего времени с предположительным значением индикатива 3 л. ед. ч. *болсын* и повелительного наклонения 2 л. ед. ч. *бол*: SUBST_{твор.п.} + VERB_{буд.вр./повел.н.}. Например, имя *Ерболсын* (*ер* + *болсын*) буквально означает «Пусть станет мужчиной», *Ербол* (*ер* + *бол*) — «Будь мужчиной». В пропозициональной структуре имен вычленяется имплицитно выраженная событийная P^1 «родился мальчик» и эксплицитная P^2 тождества «мальчик станет мужчиной». Помимо диктумного содержания, в этих именах в соответствии

с принятым в нашей работе когнитивно-прагматическим толкованием термина *пропозиция* выделяется пропозициональная установка — интенция пожелания ($I_{\text{пожел}}$): «мы желаем». Она входит в модусную рамку высказывания. Исследователи говорят о том, что «модальные значения тем или иным образом эксплицируются при семантической записи значения показателя функции высказывания, его пропозициональной установки» [Гусаренко, 2015, 161].

Таким образом, модусно-диктумное устройство рассматриваемых имен-пожеланий выглядит следующим образом: «мы желаем, чтобы мальчик, который родился, стал мужчиной»:

$$I_{\text{пожел}} \rightarrow [(P^{1+}_{\text{событ}}) \rightarrow P^2_{\text{тожд}}]^3$$

Существительное *ер* ‘мужчина’ выполняет в пропозиции функцию объекта-эталона, в котором сосредоточен стереотипный набор качеств, релевантных для носителей языка. См. аналогичное: *Серікбол* (*серік* + *бол*, букв. «Будь другом / спутником»). Иногда в качестве эталона используется прилагательное, означающее эталонное качество: $VERB_{\text{повел.н.}} + ADJ$, например *Берікбол* (*берік* + *бол*, букв. «Будь стойким / крепким»).

Имена могут включать глагольную форму будущего времени индикатива 3 л. ед. ч. *болат* (сокращенный вариант от *болады* ‘будет’⁴) и образовываться по формуле $SUBST_{\text{твор.п.}} + VERB_{\text{буд.вр.}}$: *Ерболат* (*ер* + *болат*, букв. «Да будет мужчиной»), *Бекболат* (*бек* + *болат*, букв. «Да будет влиятельным / авторитетным»), *Байболат* (*бай* + *болат*, букв. «Да будет богачом»). Такие имена-пожелания-программы, по представлениям казахов, с самого начала могли определить жизненный путь человека.

Особый смысл приобретает мужское имя-пожелание *Тасболат* (*тас* + *болат*, букв. «Да будет подобным камню»). В космогонии древних тюрков *тас* ‘камень’ — это сакральный символ первоматериала мира. В казахском фольклоре транслируются символические представления о камне как источнике материальной благодати (богатства), света, тепла, жизни [Қондыбай, 2008]. Соответственно, *тас* в составе имени отсылает к эталонным качествам и значит ‘быть богатым / светлым / жизнеспособным’. Сходной по мифологической нагруженности семантикой обладают имена *Нұрболат* (*нұр* + *болат*, букв. «Да будет подобным свету / сиянию»), *Нұрбол* (*нұр* + *бол*, букв. «Будь подобен свету / сиянию»). В них *Нұр* также восходит к традиционным космогоническим воззрениям тюрков, означая священный для них благодатный свет, сияние.

³ Квадратные скобки означают диктумное содержание, которое составляют пропозиции.

⁴ В подобной трактовке глагольного компонента мы следуем за Т. Джанузаковым [1989]. Форма *болады* утратила конечный редуцированный гласный *ы*, и согласный *д* на конце слова подвергся оглушению. Таким образом сложилась омонимия глагола *болат* и существительного *болат*.

Интересно, что в казахской антропонимии с идеей предпочтительности рождения младенцев мужского пола связано и имянаречение девочек. Если в семье рождались только дочери, им давались имена с установкой на то, что следующим должен родиться сын. Так, например, в казахском именнике используются женские имена с компонентом *ұл* ‘мальчик / сын’: *Ұлболсын* (*ұл* + *болсын*, букв. «Пусть за ней будет мальчик»), *Ұлданай* (*ұл* + *данай*⁵, букв. «Пусть продолжится мальчиком»), *Ұлжалғас* (*ұл* + *жалғас*⁶, букв. «Пусть дальше следует мальчик»). Имянаречение девочек в данном случае обусловлено культурным кодом и ситуацией: подобные имена даются родителями в случае рождения нескольких девочек при отсутствии мальчиков. В исходной пропозиции содержится негативная оценка Π^1 - «родился ребенок женского пола, и это плохо». Значение имен интерпретируется так: «мы желаем, чтобы после девочки, которая родилась сейчас, родился мальчик»:

$$И_{\text{пожел}} \rightarrow [(\Pi^1_{\text{быт}}) \rightarrow \Pi^2_{\text{событ}}]$$

Иногда девочке давали имя *Ұлтуар* (*ұл* + *туар*, букв. «Родится мальчик»), в котором заключено пожелание, чтобы у нее в будущем были сыновья. Глагол *туар* (букв. «родится») в этом случае имеет специфическую форму будущего предположительного времени.

Особую группу составляют женские имена с компонентом *қыз* ‘девочка’, в которых интенция пожелания осложняется интенцией запрещения [Temirgazina, 2013]: *Қызтумас* (*қыз* + *тумас*⁷, букв. «Девочка не родится»: ‘Пусть за девочкой не рождает девочку’), *Қыздығой* (*қызды* + *ғой*, букв. «Девочек хватает»: ‘Пусть перестанет рожать девочек’). В формуле отражается пропозициональная установка с интенцией запрета:

$$И_{\text{пожел+запрещ}} \rightarrow [(\Pi^1_{\text{событ}}) \rightarrow \Pi^2_{\text{событ}}]$$

Отметим, что тенденция к инверсии, наблюдающаяся в микросинтаксисе как славянских, так и индоевропейских антропонимов-композигов, которая объясняется «утратой семантического содержания (внутренней формы) сложения и превращением некоторых компонентов в квазипрефиксы или квазисуффиксы, способные присоединяться к любым основам» [Толстая, 2021, 11], не характерна для рассматриваемых нами казахских сложных имен с глагольным компонентом.

⁵ Букв. «пусть продолжится».

⁶ Букв. «пусть следует».

⁷ В глагольной форме *тумас ту* — корень, *-мас* — аффикс со значением отрицания, т. е. глагольная форма означает «не родится».

Пропозициональная структура охранных имен

Значительное место в архаичном казахском именнике занимали имена-обереги, выполняющие охранительную функцию. Древние тюрки и монголы прилагали все усилия, чтобы сохранить в секрете происхождение своих имен. Об этом явлении в монгольском языке пишет Н. Л. Жуковская: «Обычай замены имени уходит корнями в глубокую древность. Когда-то он был связан с шаманскими запретами называния имен, чтобы не привлекать к их носителям внимания злых духов. <...> В среде знати он выродился в обычай называния по титулу, а в народе превратился в систему замены имени на новое в случае болезни и счастливого выздоровления после нее, а также в обычай давать детям уничижительные имена в семьях, где большая детская смертность» [Жуковская, 1980, 10].

У казахов существовало поверье о том, что девочки в отличие от мальчиков меньше подвержены воздействию злых духов и сглазу. Х. Аргынбаев отмечает, что именно поэтому для них выбирались самые красивые имена, связанные с космосом, звездами, дорогими камнями, драгоценными металлами, красивыми цветами и т. д., например *Жұлдыз* 'Звезда', *Шолпан* 'Венера', *Айман* 'Небесная красавица', *Алтынай* 'Золотая луна', *Күміс* 'Серебро', *Раушан* 'Роза', *Қызғалдақ* 'Тюльпан' [Аргынбаев, 1973]. Иными словами, казахи не боялись привлечь внимание к девочке красивым именем.

Мотивы выбора мужских имен в корне отличались от женских, поскольку были обусловлены иными социокультурными обстоятельствами, иной хозяйственно-экономической ролью мужчины в кочевом родовом обществе. Мальчик должен был вырасти кормильцем, защитником семьи и продолжателем родовых традиций. Исследователи отмечают, что во времена, когда господствовала высокая детская смертность, ребенка мужского пола старались защитить от болезней и смерти, уберечь от сглаза, используя неказистые, иногда уничижительные имена: *Елеусиз* 'Неприметный', *Елемес* 'Незаметный', *Иткул* 'Раб собаки', *Сасықбай* 'Вонючий', *Жаман* 'Плохой' и др. Родители надеялись, что злые духи «не заметят» мальчика с таким именем, смерть пройдет мимо; а если духи всё же «увидят» ребенка, то он не понравится им из-за своего плохого имени. Таким образом, подобные имена-«прятки», с точки зрения казахов, выполняли оберегающую, охранную функцию.

Среди охранных имен отмечаются и сложные антропонимы, состоящие из глагольного и субстантивного компонентов. В них заключены, помимо исходной пропозиции $П^1$, событийные пропозиции $П^2$, в которых эксплицирован актанта-субъект либо актанта-объект: *Кәтібар* (*кәті* + *бар*, букв. «У него есть зад»), *Малбағар* (*мал* + *бағар*, букв. «Будет пасти скот»), *Қойбағар* (*қой* + *бағар*, букв. «Будет пасти овец»), *Қойсоймас* (*қой* + *соймас*, букв. «Овцу не зарежет»). В именах *Малбағар*, *Қойбағар* глагол *бағар* имеет форму будущего предположительного времени. В эксплицированной негативно-оценочной $П^2$ -_{событ} употребляется бранное слово *кәт* 'зад', описываются тяжелые, трудоемкие занятия (пасти скот, овец), упоминается

неспособность к элементарным действиям (овцу не может зарезать) — все это должно сделать ребенка непривлекательным и неинтересным для злых духов.

Формула пропозициональной структуры рассматриваемых охранных имен выглядит так:

$$(П^{1+}_{\text{событ}}) \rightarrow П^{2-}_{\text{событ}}$$

Среди имен-оберегов особое место занимают имена со словом *ит* ‘собака’ в функции субъекта или объекта: *Италмас* (*ит* + *алмас*, букв. «Собака не возьмет»), *Итемген* (*ит* + *емген*, букв. «Вскормлен собакой»). Собака — тотемное животное древних тюрков, одна из основных ее функций — быть проводником мертвых душ в потусторонний мир. Тюрколог С. Кондыбай пишет об этом: «Встречающееся у казахов имя *Италмас* (букв. “Да не возьмет собака”) означает “Да не умрет” и связано с мифологией собаки (быть взятым собакой означает умереть) и верой в превращение души покойного в собаку или в пожирание собакой души покойного» [Кондыбай, 2008]. И далее: «За казахским именем *Итемген* (букв. “Вскормленный молоком собаки”) скрывается мифологическое представление о рождении от собаки (тотемизм)» [Там же].

Казахи полагают, что имя человека, данное ему при рождении, и его дальнейшая жизнь связаны незримой нитью. Но в судьбу могут вмешаться злые духи. Чтобы обмануть их, казахи в прошлом часто видоизменяли имена или в дополнение к именам давали еще и прозвища. Обычай *лақап есім беру* ‘давать прозвище’ относится к древнейшим казахским традициям. В сказочном фольклоре отмечаются прозвища, в которых делается акцент на внешних и внутренних характеристиках персонажей: *Керқұла атты Кендебай* ‘Кендебай с гнедым конем’, *Ер Төстік* ‘Мужественный Тостик’, *Кун астындағы Күнікей қыз* ‘Освещенная солнцем Куникей’, *Шық бермес Шығайбай* ‘Негостеприимный Шигайбай’ и т. д.

Заключение

Казахские сложные антропонимы SUBST + VERB образованы агглютинативным способом, характерным для тюркских языков. В словообразовательном плане такие антропонимы соотносятся с предложением, между компонентами композита сохраняются синтаксические отношения, свойственные базовому предложению: предикативные, объектные.

Одним из результатов нашего исследования является установление пропозициональной структуры казахских сложных антропонимов SUBST + VERB как важного элемента микросинтаксиса компонентов имени. Обязательным элементом их пропозициональной структуры является интродуктивная имплицитная бытийная пропозиция, обусловленная природой антропонима, — «родился младенец». В зависимости от пола младенца она приобретает положительную или негативную

оценочную коннотацию, отражающую культурно-специфические представления носителей казахского языка.

Значительную функционально-прагматическую группу исследуемых антропонимов составляют имена-пожелания и имена-обереги. В пропозициональной структуре имен-пожеланий с казахским глаголом *беру* эксплицируется пропозиция, означающая изменение посессивных отношений, в которой эксплицитным субъектом-дарителем выступают сакральные силы — *Тәңір, Құдай, алла*, а имплицитно выраженным объектом дарения — младенец мужского пола. В названных именах-пожеланиях обнаруживается еще один вариант пропозиции — с эксплицированным объектом дарения: *рақым / рахим, ырыс*. В именах-оберегах содержится событийная пропозиция, которая носит негативный оценочный характер, так как, согласно поверьям казахов, эти имена должны отвратить злых духов, отпугнуть смерть.

Таким образом, пропозициональная структура является частью микросинтаксиса казахских имен-композигов с глагольным компонентом, в которых проявляются культурные традиции казахского имянаречения, восходящие к древнетюркским воззрениям.

Источники

- Бектаев К. Б.* Сөздік. Алматы : Алтын Қазына, 2007.
- Джанузаков Т.* Есіміңіз кім? Ваше имя? Казахско-русский толковый словарь имен. Алма-Ата : Казахстан, 1989.
- Джанузаков Т. Д.* Имена народов Казахстана : справочное пособие для работников учреждений ЗАГС, сельских и поселковых Советов народных депутатов, паспортных столов. Алма-Ата : Кітап, 1991.
- Джанузаков Т., Есбаева К.* Казахские имена : словарь-справочник. Алма-Ата : Наука, 1988.

Исследования

- Адаева Г. А., Аубакиров Е. Н.* Пантеон богов в казахской мифологии // Народы и религии Евразии. 2020. № 22 (1). С. 107–116. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2020\)1-08](https://doi.org/10.14258/nreur(2020)1-08)
- Аракин В. Д.* Сравнительная типология английского и русского языков. 3-е изд. М. : Физматлит, 2005.
- Арғынбаев Х. А.* Қазақ халқындағы семья мен неке. Алматы : Ғылым баспасы, 1973.
- Арутюнова Н. Д.* Пропозиция // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 401.
- Гак В. Г.* Лексическое значение слова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 261–263.
- Галиуллина Г. Р.* Татарская антропонимия в лингвокультурологическом аспекте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02 / Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 2009.
- Горбаневский М. В.* К проблеме семантики имени собственного // Лингвистическая семантика и логика : сб. науч. тр. М. : Изд-во УДН, 1983. С. 68–81.
- Гусаренко С. В.* Пропозиция как компонент актуального дискурса // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 4. С. 159–164.
- Гурчиани М. Т.* Композиты в русском языке новейшего периода : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 2009.

- Джанузаков Т.* Очерк казахской ономастики. Алма-Ата : Наука, 1982.
- Ермолович Д. И.* Имена собственные на стыке языков и культур. М. : Р. Валент, 2001.
- Жуковская Н. Л.* Заметки о монгольской антропонимии // Ономастика Востока / ред. Э. М. Мурзаев. М. : Наука, 1980. С. 9–16.
- Земская Е. А.* Современный русский язык. Словообразование. 3-е изд., испр. и доп. М. : Флинта : Наука, 2011.
- Қондыбай С.* Арғықазақ мифологиясы. Мифология предказахов. Кн. 3. Алматы : СаГа, 2008. URL: <http://otuken.kz> (дата обращения: 05.06.2021).
- Косырева М. С.* Категории пропозиционального анализа как предтеча и основа фреймового моделирования в дериватологии // Современные проблемы науки и образования. 2008. № 6. С. 169–172.
- Кульдеева Г. И.* Антропонимическая система современного казахского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02 / Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 2001.
- Мажитаева Ш. М., Рахимберлина С. А.* Гносеологические основы неофициальных имен казахского языка // Literature, language and culture influenced by globalization. Vol. 2 / ed. by L. Shlossman. Vienna : "East West" Association for Advances Studies and Higher Education GmbH, 2014. P. 118–130.
- Махтиров В. У.* Имена далеких предков: Источники формирования и особенности функционирования древнетюркской ономастики. Алматы : Институт востоковедения МН-АН РК, 1997.
- Мусабекова У. А.* Мотивационный аспект антропонимов казахского и русского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Алматинский гос. ун-т им. Абая. Алматы, 1996.
- Неклюдов С. Ю.* Тенгри // Мифы народов мира : энцикл. / гл. ред. С. А. Токарев. М. : [б. и.], 2008. С. 972–973.
- Нелюбин Л. Л.* Сравнительная типология английского и русского языков. М. : Флинта : Наука, 2012.
- Никонов В. А.* Имя и общество. М. : Наука, 1974.
- Оспан Б. Ә.* Есімдер: Сактардан казактарға дейін. Алматы : Асыл сөз баспасы, 2019.
- Падучева Е. В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). 4-е изд. М. : Едиториал, 2004.
- Рахимжанов К. Х., Ақошова М. К., Темірғазина З. К.* Метафорическо-метонимическая интерпретация сердца в казахском и тувинском языках: взаимодействие языка, анатомии и культуры // Новые исследования Тувы. 2020. № 4. С. 261–271. <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.18>
- Реформатский А. А.* Топономастика как лингвистический факт // Топономастика и транскрипция / ред. С. Г. Бархударов, Э. М. Мурзаев, Л. П. Калакуцкая. М. : Наука, 1964. С. 9–34.
- Семенов Н. А.* Этимология якутского слова *кудай*: заимствование из персидского языка? // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. № 3 (28). С. 70–76.
- Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. М. : Наука, 1973.
- Темірғазина З. К., Ибраева Ж. Б.* Наблюдатель в поэтическом нарративе (на примере стихотворений П. Васильева) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 72. С. 290–307. <https://doi.org/10.17223/19986645/72/16>
- Токарев, 2008 — Мифы народов мира : энцикл. / гл. ред. С. А. Токарев. М. : [б. и.], 2008. URL: <http://www.encyclopedia.ru/cat/books/book/29556/> (дата обращения: 12.08.2021).
- Толстая С. М.* Двусоставные антропонимы в праславянском языке // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18, № 2. С. 9–32. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2021.18.2.016
- Уразаева К.* Имя по приметам // Диапазон. 2010. URL: <https://azh.kz/ru/news/view/4988> (дата обращения: 11.06.2021).
- Филиппова Л. С.* Современный русский язык: Морфемика. Словообразование. М. : Флинта : Наука, 2009.
- Шалгинбаева С. Х.* Семейные традиции и социокультурный облик казахов городов Алматы и Тараза (этносоциологическое исследование) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 / Казах. нац. ун-т им. Аль-Фараби. Алматы, 2002.
- Шмелева Т. В.* Семантический синтаксис. Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 1994.

- Янценецкая М. Н.* Пропозициональный аспект словообразования (обзор работ сибирских диалектологов) // Актуальные проблемы региональной лингвистики и истории Сибири / под ред. Л. А. Араевой, В. А. Волчек. Кемерово : КемГУ, 1992. С. 4–33.
- Temirgazina Z.* Effective Communicative Strategies and Tactics in Verbal Aggression Situations // World Applied Sciences Journal. 2013. № 24 (6). P. 822–825.
- Temirgazina Z., Albekova A., Kurmanova Z.* One more time about the heart: naive anatomy in the Kazakh, Russian and English pictures of the World // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2021. Vol. 12, No. 2. P. 459–475. <https://doi.org/10.31648/pw.6876>

Рукопись поступила в редакцию 27.09.2021

* * *

Темиргазина Зифа Какбаевна

доктор филологических наук, профессор
Павлодарский педагогический университет
140005, Казахстан, Павлодар, ул. Мира, 60
E-mail: temirgazina_zifa@pspu.kz

Temirgazina, Zifa Kakbaevna

DrHab, Professor
Pavlodar Pedagogical University
60, Mira Str., 140005 Pavlodar, Kazakhstan
Email: temirgazina_zifa@pspu.kz
<https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

Асельдерова Руманият Омаровна

кандидат филологических наук, доцент
Дагестанский государственный
педагогический университет
367000, Махачкала, ул. Магомеда Ярагского,
57
E-mail: rumomarovna@mail.ru

Aselderova, Rumaniyat Omarovna

PhD, Associate Professor
Dagestan State Pedagogical University
57, Magomeda Yaragskogo Str.,
367000 Makhachkala, Russia
Email: rumomarovna@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4261-6703>

Zifa K. Temirgazina*

Rumaniyat O. Aselderova**

* Pavlodar Pedagogical University
Pavlodar, Kazakhstan

** Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia

**KAZAKH COMPOUND ANTHROPONYMS
WITH A VERBAL ELEMENT: PROPOSITIONAL STRUCTURE**

The article deals with the semantics of Kazakh compound anthroponyms with the SUBST + VERB structure. Such names retain syntactic relations of the original motivating sentence. Thus, the full name inherits propositional features of the verb component and the syntactic meaning of the actant: subject or object. Dmitry Yermolovich suggests that each personal name implies an introductory proposition of the situation ‘a child was born’. The paper distinguishes several groups of Kazakh names with a verbal component, based on the specificity of propositional

structure and the cultural background of name's motivation: (1) male names with a temporal meaning, (2) male names with a verbal component *beru* 'give,' (3) wish-names, and (4) male amulet names. In the first group of names, two "event-related" propositions are linked by temporal logical relations. In the second group, the subject is represented by names of the sacred forces which, according to the pagan beliefs of the Kazakhs, bestow the parents with the birth of a male baby — the continuer of the lineage, the protector of the family and clan. The wish-names with the verb *bolu* 'be, become' also convey the idea of the preference and blessing of the birth of boys. Moreover, the same idea often lies behind naming girls, in which case the wish can be laden with the idea of prohibition. The protective function of names is particularly important for male anthroponyms, since it is traditionally believed that boys are more susceptible to the influence of evil forces. Therefore, the amulet-names tend to carry a negative sense intended to avert evil spirits. An implicit introductory proposition varies depending on the gender: the birth of a boy is approved by socio-cultural norms; the birth of a girl is less welcomed. The study of the semantics of Kazakh two-part names with a verbal component reveals its propositional character reflected in internal syntactic relations of the verbal predicate and nominal actants and explicates the cultural traditions of Kazakh naming.

К е y в о р д s: Kazakh language; personal name, two-part compounds with a verbal component; proposition; propositional structure; names-wishes; names-amulets

- Adaeva, G. A., & Aubakirov, E. N. (2020). Panteon bogov v kazakhskoi mifologii [Pantheon of Gods in Kazakh Mythology]. *Narody i religii Evrazii*, 22(1), 107–116. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2020\)1-08](https://doi.org/10.14258/nreur(2020)1-08)
- Arakin, V. D. (2005). *Sravnitel'naia tipologiiia angliiskogo i russkogo iazykov* [Comparative Typology of English and Russian Languages] (3rd ed.). Moscow: Fizmatlit.
- Argynbaev, Kh. A. (1973). *Kazakh khalkyndagy sem'ia men neke* [Family and Marriage in the Kazakh People]. Almaty: Gylым baspasy.
- Arutyunova, N. D. (1990). Propozitsiia [Proposition]. In V. N. Yartseva (Ed.), *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary] (p. 401). Moscow: Sovetskaia entsiklopediia.
- Dzhanuzakov, T. (1982). *Ocherk kazakhskoi onomastiki* [An Essay on Kazakh Onomastics]. Almaty: Nauka.
- Ermolovich, D. I. (2001). *Imena sobstvennye na styke iazykov i kul'tur* [Proper Names at the Intersection of Languages and Cultures]. Moscow: R. Valent.
- Filippova, L. S. (2009). *Sovremennii russkii iazyk: Morfemika. Slovoobrazovanie* [Modern Russian: Morphemics. Word Formation]. Moscow: Flinta; Nauka.
- Gak, V. G. (1990). Leksicheskoe znachenie slova [Lexical Meaning of the Word]. In V. N. Yartseva (Ed.), *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary] (pp. 261–263). Moscow: Sovetskaia entsiklopediia.
- Galiullina, G. R. (2009). *Tatarskaia antroponimiia v lingvokul'turologicheskom aspekte* [Tatar Anthroponymy in the Linguo-cultural Aspect] (Habilitation thesis). Kazan State University, Kazan.
- Gorbanevsky, M. V. (1983). K probleme semantiki imeni sobstvennogo [On the Problem of the Meaning of Personal Names]. In *Lingvisticheskaiia semantika i logika* [Linguistic Semantics and Logic] (pp. 68–81). Moscow: Izd-vo UDN.
- Gurchiani, M. T. (2009). *Kompozity v russkom iazyke noveishego perioda* [Compounds in the Contemporary Russian Language] (Doctoral dissertation). Kazan State University, Kazan.
- Gusarenko, S. V. (2015). Propozitsiia kak komponent aktual'nogo diskursa [Proposition as a Component of Actual Discourse]. *Gumanitarnye i iuridicheskie issledovaniia*, 4, 159–164.
- Kondybai, S. (2008). *Argykazakh mifologiiiasy. Mifologiiia predkazakhov* [Argykazakh Mythology. Mythology of pre-Kazakhs] (Vol. 3). Almaty: SaGa, 2008. Retrieved from <http://otuken.kz>

- Kosyreva, M. S. (2008). Kategorii propozitsional'nogo analiza kak predtecha i osnova freimovogo modelirovaniia v derivatologii [Categories of Propositional Analysis as a Forerunner and Basis of Frame Modeling in Derivatology]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 6, 169–172.
- Kul'deeva, G. I. (2001). *Antroponimicheskaia sistema sovremennogo kazakhskogo yazyka* [Anthroponymic System of the Modern Kazakh Language] (Habilitation thesis). Kazan State University, Kazan.
- Makhpirov, V. U. (1997). *Imena dalekikh predkov: Istochniki formirovaniia i osobennosti funktsionirovaniia drevnetiurkskoi onomastiki* [Names of Distant Ancestors: Sources of Formation and Features of the Functioning of Ancient Turkic Proper Names]. Almaty: Institut vostokovedeniia MN-AN RK.
- Mazhitaeva, Sh. M., & Rakhimberlina, S. A. (2014). Gnoseologicheskie osnovy neofitsial'nykh imen kazakhskogo iazyka [Gnoseological Foundations of Informal Names of the Kazakh Language]. In L. Shlossman (Ed.), *Literature, Language and Culture Influenced by Globalization* (Vol. 2, pp. 118–130). Vienna: “East West” Association for Advances Studies and Higher Education GmbH.
- Musabekova, U. A. (1996). *Motivatsionnyi aspekt antroponimov kazakhskogo i russkogo iazykov* [Motivational Aspect of Personal Names in the Kazakh and Russian Languages] (Doctoral dissertation). Abai Almaty State University, Almaty.
- Neklyudov, S. Yu. (2008). Tengri [Tengri]. In S. A. Tokarev (Ed.), *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World] (pp. 972–973). Moscow: [s.n.].
- Nelyubin, L. L. (2012). *Sravnitel'naia tipologiiia angliiskogo i russkogo iazykov* [Comparative Typology of English and Russian Languages]. Moscow: Flinta; Nauka.
- Nikonov, V. A. (1974). *Imia i obshchestvo* [Name and Society]. Moscow: Nauka.
- Ospan, B. E. (2019). *Esimder: Saktardan kazakhtarga deiin* [Names: From Saksas to Kazakhs]. Almaty: Asyl sez baspasy. (In Kazakh).
- Paducheva, E. V. (2004). *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii)* [The Statement and its Correlation with Reality (Referential Aspects of the Semantics of Pronouns)] (4th ed.). Moscow: Editorial.
- Rakhimzhanov, K. Kh., Akosheva, M. K., & Temirgazina, Z. K. (2020). Metaforicheskoe-metonymicheskoe interpretatsiia serdtsa v kazakhskom i tuvinskom iazykakh: vzaimodeistvie iazyka, anatomii i kul'tury [Metaphorical and Metonymic Interpretation of the Heart in the Kazakh and Tuvan Languages: The Interaction of Language, Anatomy, and Culture]. *Novye issledovaniia Tuvy*, 4, 261–271. <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.18>
- Reformatsky, A. A. (1964). Toponomastika kak lingvisticheskii fakt [Toponomastics as a Linguistic Fact]. In S. G. Barkhudarov, E. M. Murzaev, & L. P. Kalakutskaiia (Eds.), *Toponomastika i transkriptsiia* [Toponomastics and Transcription] (pp. 9–34). Moscow: Nauka.
- Semenov, N. A. (2019). Etimologiiia iakutskogo slova *kudai*: zaimstvovanie iz persidskogo iazyka? [Etymology of the Yakut Word *kudai*: A Borrowing from Persian?]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, 3(28), 70–76.
- Shalginbaeva, S. Kh. (2002). *Semeinye traditsii i sotsiokul'turnyi oblik kazakhov gorodov Almaty i Taraza (etnosotsiologicheskoe issledovanie)* [Family Traditions and Socio-Cultural Image of the Kazakhs in the Cities of Almaty and Taraz (Ethno-Sociological Research)] (Doctoral dissertation). Al-Farabi Kazakh National University, Almaty.
- Shmeleva, T. V. (1994). *Semanticheskii sintaksis* [Semantic Syntax]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
- Superanskaya, A. V. (1973). *Obshchaia teoriia imeni sobstvennogo* [General Theory of the Personal Name]. Moscow: Nauka.
- Temirgazina, Z. (2013). Effective Communicative Strategies and Tactics in Verbal Aggression Situations. *World Applied Sciences Journal*, 24(6), 822–825.
- Temirgazina, Z. K., & Ibraeva, Zh. B. (2021). Nabliudatel' v poeticheskom narrative (na primere stikhovorenii P. Vasil'eva) [Observer in Poetic Narrative (Based on Pavel Vassilyev's Poetry)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 72, 290–307. <https://doi.org/10.17223/19986645/72/16>

- Temirgazina, Z., Albekova, A., & Kurmanova, Z. (2021). One More Time about the Heart: Naive Anatomy in the Kazakh, Russian and English Pictures of the World. *Przegład Wschodnioeuropejski*, 12(2), 459–475. <https://doi.org/10.31648/pw.6876>
- Tokarev, S. A. (Ed.). (2008). *Mify narodov mira: entsiklopediia* [Myths of the Peoples of the World]. Moscow: [s.n.]. Retrieved from <http://www.encyclopedia.ru/cat/books/book/29556/>
- Tolstaya, S. M. (2021). Dvusostavnye antroponimy v praslavianskom yazyke [Two-part Anthroponyms in the Proto-Slavic Language]. *Voprosy onomastiki*, 18(2), 9–32. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2021.18.2.016
- Urazaeva, K. (2010). Imia po primetam [Name According to Beliefs]. *Diapazon*. 2010. Retrieved from <https://azh.kz/ru/news/view/4988>.
- Yantsenetskaya, M. N. (1992). Propozitsional'nyi aspekt slovoobrazovaniia (obzor rabot sibirskikh dialektologov) [Propositional Aspect of Word Formation (Review of the Works of Siberian Dialectologists)]. In L. A. Araeva, & V. A. Volchek (Eds.), *Aktual'nye problemy regional'noi lingvistiki i istorii Sibiri* [Current Issues in Regional Linguistics and History of Siberia] (pp. 4–33). Kemerovo: KemGU.
- Zemskaya, E. A. (2011). *Sovremennyi russkii iazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian language. Word Formation] (3rd ed.). Moscow: Flinta; Nauka.
- Zhukovskaya, N. L. (1980). Zametki o mongol'skoi antroponimii [Notes on Mongolian Anthroponymy]. In E. M. Murzaev (Ed.), *Onomastika Vostoka* [Onomastics of the East] (pp. 9–16). Moscow: Nauka.

Received on 27 September 2021